Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 3. С. 9–32
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-9-32
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2026, 9–32
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. Г. Иванова

АННА МИХАЙЛОВНА АСТАХОВА: ФОЛЬКЛОРИСТ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Tatyana G. Ivanova

ANNA MIKHAILOVNA ASTAKHOVA AS A FOLKLORIST OF HER TIME

Резюме. Статья посвящена научной деятельности видного фольклориста XX в. А. М. Астаховой, чьи труды на протяжении 1920–1960-х гг. во многом определяли развитие русской фольклористики. В статье охарактеризован вклад А. М. Астаховой в собирание и изучение былин, заговоров, духовных стихов, городской фольклорной культуры («песен улицы»), детского фольклора и т. д. При этом основное внимание уделено собирательской деятельности исследовательницы, формированию разных методов в записи произведений устной традиции. В экспедициях 1920-х гг. А. М. Астахова полностью принимала собирательские установки дореволюционной фольклористики. Однако в дальнейшем в ее научной деятельности отчетливо проявлялись новые подходы, продиктованные требованиями тоталитарного режима. Этот поворот выразился и в выборе новых объектов: фольклор Гражданской войны, рабочий фольклор, — и в социологической, идеологически ангажированной интерпретации фольклорных явлений. Научная биография исследовательницы поразительно точно отражает все повороты развития фольклористики в советское время.

Ключевые слова: А. М. Астахова, собирание фольклора, формирование методов собирания фольклора, былиноведение.

Информация об авторе: Иванова Татьяна Григорьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, tgivanova@inbox.ru.

Для цитирования: *Иванова Т. Г.* Анна Михайловна Астахова: фольклорист своего времени // Словесность и история. 2026. № 3. С. 9–32.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-3-9-32.

Abstract. The article explores the scientific activity of Anna Mikhailovna Astakhova, a prominent folklorist of the 20th century, whose works during the period spanning from the 1920s to the 1960s largely determined the development of Russian folkloristics. The article describes Astakhova's contribution to the collection and study of epics, incantations, spiritual poetry, urban folklore culture ("street songs"), and children's folklore. The author pays particular attention to Astakhova's collecting activities and her development of various methods for recording works of oral tradition. During her expeditions in the 1920s, Astakhova fully embraced the collecting principles of pre-revolutionary folklore studies. Her subsequent scholarly work, however, was clearly influenced by the demands of the totalitarian regime. This shift was reflected in the choice of new subjects, such as the folklore of the Civil War and working-class folklore, as well as in the sociological and ideologically driven interpretation of folklore phenomena. The biography of Anna Mikhailovna Astakhova presented in this article accurately reflects all the twists and turns in the development of folklore studies during the Soviet era.

Keywords: A. M. Astakhova, folklore studies, methods of folklore collecting, epic studies.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Tatyana G. Ivanova, D. Sc. in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, tgivanova@inbox.ru.
Received: January 31, 2026. ***Approved***: March 12, 2026.
For citation: Ivanova, T. G. (2026). 'Anna Mikhailovna Astakhova as a Folklorist of Her Time', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 9–32.

В 2026 г. исполняется 140 лет со дня рождения А. М. Астаховой, сыгравшей видную роль в науке о «живой старине» XX в. (см. библиографию ее трудов: [Список работ; Печатные работы]). Эта дата побуждает в очередной раз осмыслить научный путь исследовательницы и оценить ее вклад в фольклористику.

Анна Михайловна Астахова родилась 10 (22) июня 1886 г. в Кронштадте. Ее отец был морским офицером. Стремление к получению высшего образования для А. М. Астаховой, выросшей в высококультурной среде, было естественным. Дорога в университет для женщин до революции была закрыта. Но уже начали создаваться специальные высшие женские учебные заведения. По окончании гимназии в 1904 г. А. М. Астахова поступила учиться в Женский педагогический институт. Отсюда после четырех лет обучения в 1908 г. А. М. Астахова вышла с дипломом, дававшим право на работу в женских учебных заведениях. На протяжении долгого времени она преподавала русский язык, литературу и историю: в 1908–1909 гг. в частной женской гимназии Иогансон в г. Валке Лифляндской губ.; в 1909–1911 гг. во 2-й женской гимназии в Тифлисе; в 1912–1920 гг. в гимназии Мельниковой в Петербурге (после 1917 г. — единая трудовая школа). Одновременно с 1912 по 1931 г. она являлась учителем в гимназии Таганцевой (единой трудовой школе). В 1920–1922 гг. будущая фольклористка работала также в советской школе ликбеза Московского района; в 1929–1931 гг. — в общеобразовательной школе для взрослых «Красный путиловец»; в 1930–1934 гг. — в автодорожном техникуме.

В 1921 г., уже зрелым человеком, А. М. Астахова стала слушателем словесного отделения Высших курсов искусствознания при Российском (Государственном) институте истории искусств (РИИИ / ГИИИ; впоследствии — Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии; в настоящее время — Российский институт истории искусств). С 1923 г. ей доверили чтение лекций по введению в русскую литературу XVIII–XIX вв. и по стиховедению на курсах при ГИИИ. Научные интересы А. М. Астаховой поначалу, подчеркнем, были связаны со стихосложением. В 1926 г. вышла в свет ее первая статья — «Из истории и ритмики хорея» [Астахова 1926].

Однако в том же 1926 г. область научных интересов кардинально изменилась: А. М. Астахова стала фольклористкой.

В фольклористику А. М. Астахова пришла через экспедиции. 11 июня — 15 июля 1926 г. одна из структур ГИИИ — Секция изучения крестьянского искусства (Крестьянская секция), — ставившая широкие задачи в изучении искусства русской деревни (в материальной и духовной областях), осуществила комплексную экспедицию в Заонежье (Петрозаводск, Великая Губа, Яндомозеро, Космозеро, Великая Нива, Шуньга, Великая Губа, Петрозаводск). Экспедиция ГИИИ, новаторская в плане комплексности, нацеливавшей специалистов из разных областей этнографии на изучение в одном регионе материальной (деревянное зодчество, ткачество, вышивка и пр.) и фольклорной культуры [Романов 1927a; 1927b; Большева; Кнатц], в аспекте фольклористики ничего принципиально нового не несла. Заонежье со времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга считалось Исландией русского эпоса. Задача записи былин и других жанровых форм эпоса лежала на поверхности. Словесники распределили обязанности: А. И. Никифоров и И. В. Карнаухова записывали сказки, Н. П. Колпакова — песни. В области музыковедения работали Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. А. М. Астахова взяла на себя обязанности по записи былин.

Начинающая фольклористка добросовестно старалась следовать принципам дореволюционной науки о «живой старине». Поиск былинщиков, выяснение их возможных родственных связей со сказителями времен П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, разработка методики записи былин — так постепенно, накапливая полевой опыт, А. М. Астахова становилась фольклористом.

Н. П. Колпакова в своих художественных экспедиционных дневниках «У золотых родников» оставила колоритную картинку «боевого крещения» начинающих фольклористов — ее самой и А. М. Астаховой. В самом начале поездки в Петрозаводске они узнали, что в городе проживает известная еще с дореволюционных времен былинщица Настасья Степановна Богданова. «Нас она встретила приветливо, — пишет Н. П. Колпакова. — Конечно, разговоры с ней вела, как старшая, Анна Михайловна, а я в качестве младшей почтительно молчала. Настасья Степановна предложила нам спеть былину про Добрыню. Мы, конечно, с радостью согласились. Но как было приступать к нашей работе? Ведь мы не умеем писать так быстро, как человек поет. Анна Михайловна придумала:

— Нас двое, писать будем по строчкам: я — первую, вы — вторую, я — третью, вы — четвертую, и так далее. Потом сложим записи вместе и получим

полный текст» [Колпакова, с. 17–18]. Затем, когда во время экспедиции А. М. Астаховой приходилось одной записывать былину или балладу, она просила сначала исполнителя сказать текст сказом и затем повторно спеть. В первоначальную запись вносилась правка по спетому варианту. Так складывалась методика записи былин.

Во время экспедиции А. М. Астахову, помимо эпических форм, заинтересовал еще один жанр — заговоры. Фиксируя произведения этого рода, собирательница также полностью опиралась на опыт дореволюционной науки. Поэтический текст заговора ею осмыслялся в неразрывной связи с контекстом, т. е. с бытом русской деревни, акциональным и предметным планами этого жанра.

За Заонежской экспедицией последовали поездки на Пинегу (1927), Мезень (1928) и Печору (1929), где фольклористка продолжала интересоваться двумя обозначенными жанрами. А. М. Астахова, без сомнения, умела устанавливать контакты с деревенским сообществом, причем даже в такой деликатной сфере, как знахарство, что и позволило ей собрать богатый материал (лечебные заговоры, заговоры на скотину, на обряжение девушек на гулянья и пр.).

1920-е гг. еще не ставили для фольклористов цензурных (а точнее — самоцензурных) ограничений в области собирания устной поэзии. Поэтому А. М. Астахова не избегала записи духовных стихов. В дальнейшем, когда уже осуществлялась публикация материалов, собранных экспедициями ГИИИ, этот жанр оставался невостребованным в печатной продукции. Только в наше время Л. И. Петровой были опубликованы пинежские записи: «Алексей, человек Божий» (три текста), «Мучения Егория» (один текст), «Два брата Лазаря» (три текста), «Царевич Иоасаф, пустынник» (два текста), «Христос и нищая братия» (два текста) и др. [Духовные стихи].

Повторим еще раз: экспедиции ГИИИ в 1920-е гг. полностью находились в русле собирательских установок дореволюционной фольклористики.

В 1931 г. Государственный институт истории искусств, где работала А. М. Астахова, был реорганизован в Государственную академию искусствознания. Фольклорную секцию перевели в Институт по изучению народов СССР (ИПИН), просуществовавший с 1931 по 1933 г., а в феврале 1933 г. — в Институт антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ). Во главе секции стоял переехавший из Иркутска М. К. Азадовский; костяк сотрудников, помимо А. М. Астаховой, — А. Н. Лозанова, Е. В. Гиппиус, С. Д. Магид, З. В. Эвальд. В декабре 1938 г., в период, когда фольклористика была искусственно оторвана от этнографии, Фольклорная секция (комиссия) была переведена в Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (именно таково

название учреждения на то время) [Иванова 2009, с. 460–471]. Все эти годы, переходя из одного научного учреждения в другое, А. М. Астахова продолжала напряженную собирательско-экспедиционную деятельность.

В самом начале 1930-х гг. в фольклористике (а точнее — для фольклористики) были определены новые приоритеты в собирании устной поэзии. Произошел резкий поворот от крестьянской классики к городской устной традиции. В городской поэзии ученые надеялись найти произведения с «правильными» классовыми установками.

Однако городская фольклорная культура раскрывалась ученым совсем с других сторон. А. М. Астахова занималась темой «Песни улицы». Полем собирания фольклора стала ленинградская улица. Надо сказать, что интенсивная собирательская работа позволила фольклористке записать интереснейший материал[1]. Работу А. М. Астаховой с уличными певцами можно определить в рамках современной научной терминологии как метод включенного наблюдения с последующим интервьюированием певца. Собирательница обратила внимание и на такую форму бытования и распространения песен, как продажа певцами текстов, которые тиражировались самими исполнителями и их окружением (переписывание множества копий от руки; перепечатывание на машинке; оттиски посредством ручной типографии).

Уже в 1932 г. А. М. Астахова подготовила сборник «Песни уличных певцов»[2]. Рукопись открывается обстоятельной статьей. Следует помнить, что А. М. Астахова выступала, по сути дела, первопроходцем в деле собирания и научного осмысления уличной поэзии. В статье исследовательнице приходилось отстаивать тезис о необходимости изучения этого пласта фольклора. А. М. Астахова дает всестороннюю характеристику социальной среды, формирующей репертуар улицы (мещанство, беспризорники, деклассированные элементы и пр.). Собирательница рисует колоритные портреты уличных певцов; дает подробную характеристику репертуара улицы (песни, являющиеся откликом на преступления, взбудоражившие улицу («Как на кладбище Митрофаньевском»); песни, рисующие картины повседневного быта («Жена алкоголика»); произведения, раскрывающие тему беспризорности, и т. д.).

В сборнике А. М. Астаховой представлено 130 текстов (четыре раздела: «Уличные певцы»; «Проблема любви и брака в отражении песен улицы» (с подразделами «Любовные катастрофы» и «Семейные конфликты»); «Проблемы социальных пороков и бедствий в отображении уличных песен» (с темами «Алкоголизм», «Беспризорность», «Бандитизм», «Проституция»,

[1] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 25. «Песни уличных певцов».

[2] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 25. П. 7. № 1. См. одно из первых сообщений о сборнике: [Лурье].

«Сексуальные преступления», «Городские катастрофы»); «Мещанская сатира»). Песенные тексты сопровождаются обширными примечаниями, в которых имеется характеристика вариантов, приводятся сведения о предполагаемом авторстве песни, даются ссылки на газетные статьи из криминальной хроники. Научный аппарат дополнен разделом «Биографии авторов и певцов и исполнителей».

Однако, помимо сугубо научной характеристики этого материала, игнорировавшегося дореволюционной фольклористикой, тоталитарный сталинский режим требовал и идеологической оценки уличных песен. И такая оценка была дана в статье А. М. Астаховой. В статье указывается, что уличная поэзия оказывает сильнейшее негативное влияние на песенный репертуар как пролетариата, так и крестьянства, проникая в разные регионы страны. В связи с этим, считает исследовательница, перед фольклористами стоит задача активной борьбы с поэзией улицы.

Сборник ленинградской уличной песни, без сомнения, является замечательным примером открытия для фольклористики нового пласта устной поэзии. При этом, подчеркнем, рукопись была подготовлена А. М. Астаховой на высочайшем уровне. Однако издание не состоялось. Это собрание не вписывалось в идеологию страны, строившей социализм. Встав на сугубо научные позиции, фольклористы, конечно, могли справиться с эстетическим неприятием уличного фольклора, но они были не в силах преодолеть неприятие властью идеологической направленности устной поэзии улицы. В дальнейшем этот пласт городской фольклорной культуры надолго исчезнет из интересов фольклористики, что, безусловно, сузит ее научные горизонты.

Уже в наше время рукопись была подготовлена к публикации (участники проекта — А. Ф. Белоусов, Н. Г. Комелина, М. Л. Лурье и С. В. Подрезова). К сожалению, отсутствие средств не позволяет довести проект до печати. Укажем, что в рамках подготовки рукописи была осуществлена очень интересная публикация «Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой» в онлайн-версии журнала «Антропологический форум» [Комелина, Лурье, Подрезова].

Городской фольклор с «правильными» идеологическими установками следовало искать, по мысли фольклористов, в рабочей среде — у пролетариата, «самого передового» класса. Зимой 1931/32 гг. в ИПИНе была создана, согласно терминологии того времени, бригада по собиранию рабочего фольклора, куда вошли З. В. Эвальд, З. Н. Куприянова, П. Г. Ширяева и А. М. Астахова.

Собиратели поставили перед собой следующие задачи: «1) изучение на материале фольклора идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе

культурной революции и социалистического строительства; 2) изучение фольклора как материала для истории фабрик и заводов; 3) выявление в фольклоре как влияний, формирующих сознание нового человека, так и влияний идеологически чуждых и вредных; 4) установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих» [Астахова, Эвальд, с. 142]. Фольклористика в начале 1930-х гг., как видим, уже полностью вписалась в идеологические догмы большевистской власти: «культурная революция», «социалистическое строительство», «история фабрик и заводов» (издательский проект М. Горького), «борьба с классово-враждебными тенденциями».

Объектами обследования для бригады стали ленинградские фабрики и заводы, в частности текстильные фабрики им. 1 Мая и им. А. Желябова и механический завод «Красный Октябрь». Фольклористы организовывали фольклористические ячейки из работников заводов. Одной из форм работы стала фиксация массовой песни на праздничных демонстрациях. Все это было новыми методами в собирании устной поэзии.

Певческий репертуар праздничных демонстраций очень скоро разочаровал собирателей. Если пожилые рабочие еще пели старые революционные песни («Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка» и др.), объявленные рабочим фольклором, то молодежь их уже не знала, а пела новые песни по книжкам, зная, что подобный репертуар политически апробирован. Однако уже в середине демонстрации, как отмечала А. М. Астахова, толпу «захлестывает волна мещанского репертуара, идущая главным образом от беспартийной молодежи» [Астахова, Эвальд, с. 143].

Проект собирания песен рабочих на ленинградских предприятиях отразился в материалах фольклорного архива РО ИРЛИ[3]. В публикациях осталась только небольшая статья А. М. Астаховой и П. Г. Ширяевой «Старая рабочая песня» [Астахова, Ширяева]. Здесь представлены четыре текста, квалифицированных как старые рабочие песни. Текст № 1 начинается строками «Кто на Охте не живал, / Тот горя не знаит...». Публикаторы в комментариях определяют его как перепев солдатской песни «А кто не был за Дунаем».

Следующий поворот в формировании новых собирательских задач связан с летней экспедицией ИПИН 1932 г. на побережье Белого моря (15 июня — 24 августа; маршрут: Кемь, Сорока, Шижня, Выгостров, Сумский Посад,

[3] РО ИРЛИ. P. V. Кол. 20 (Материалы по рабочему фольклору. Ленинградская фабрика «Работница», 1931); Кол. 22 (Материалы по рабочему фольклору, 1927–1932); Кол. 23 (Материалы по учету массовой песни на демонстрациях трудящихся г. Ленинграда, нач. 1930-х гг.).

Колежма, Нюхча, возвращение в Сумский Посад, Вирма, Лапино, Воренжа, Койкинцы, Сегежа, Медвежья Гора, Повенец). К экспедиционерам (И. В. Карнаухова и А. Н. Нечаев) А. М. Астахова присоединилась 25 июня. Недавно Л. И. Петровой был опубликован экспедиционный дневник А. М. Астаховой[4], текст которого наглядно свидетельствует о том, как в условиях сложившегося сталинского тоталитарного режима в фольклористике формируются новое понимание рамок устной словесности и новые задачи в области ее собирания [Петрова].

Во время экспедиции 1932 г. А. М. Астахова продолжала записывать любимые ею эпические песни и заговоры. Отдельные тексты былин и баллад были впоследствии включены во второй том ее знаменитых «Былин Севера». Дневник фольклористки свидетельствует и об интересе к заговорам: 26 июля в Сумском Посаде она записала «20 заговоров от колдуна Николая Григорьевича Ихменева и старухи Анны Григорьевны» [Петрова, с. 265]. Однако из того же дневника явствует, что традиционные формы и жанры фольклорной культуры в сфере внимания фольклористки отступают на задний план.

Предметом обследования во время экспедиции становится молодежный песенный репертуар. 28 июня в Шижне А. М. Астахова писала: «Зарегистрирован репертуар современных песен, преимущественно революционных, исполняемых молодежью. Записано три современных песни» [Петрова, с. 253–254]; 6 июля в Сумском Посаде: «Астахова получила ряд сведений о песенном репертуаре молодежи от местной активистки-партийки Нюры Михилевой» [Петрова, с. 257]; 23 июля в том же Сумском Посаде: «Выяснен окончательно молодежный репертуар и записано от Н. П. Чижовой 10 песен» [Петрова, с. 264]; 30 июля в Лапине: «Собирался преимущественно молодежный репертуар. Зарегистрировано содержание двух тетрадок песен и романсов, часть материала переписана» [Петрова, с. 267]; 31 июля там же: «Зарегистрирован репертуар революционной песни» [Петрова, с. 267].

Новые аспекты в понимании рамок фольклорной культуры сказываются и в том, что А. М. Астахова включает в поле своего внимания девичьи альбомы. 27 июня в Сороке она писала: «Астахова записывала песни, частушки, альбомные стишки от Клавдии Ивановны Баланкиной, Антонины Андреевны Кондратьевой и девушки Нюры» [Петрова, с. 253]. 30 июня в Выгострове: «Обследован альбом одной девушки и зарегистрировано его содержание; записаны две современные городские песни и три альбомных стишка» [Петрова, с. 255]; 1 июля в Выгострове: «Обследована тетрадь песен Фроловой

[4] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 28. П. 13. Ед. хр. 4.

и зарегистрировано ее содержание (47 песен)»; «Зарегистрировано содержание девичьей тетрадки песен (18 песен)» [Петрова, с. 255]; 19 июля в Нюхче: «Зарегистрирован материал альбома песен одного парня» [Петрова, с. 263].

Фольклорные экспедиции 1930-х гг. стали ставить себе социологические задачи. Как свидетельствует дневник, А. М. Астахова собирала сведения о школах и больницах в селах. На фольклорные экспедиции накладывались также просветительские задачи. Весьма любопытен один эпизод. 2 августа (в Ильин день) экспедиционеры находились в с. Воренжа, где на традиционный праздник собралось много народу из окрестных деревень. А. М. Астахова отмечала в дневнике: «Днем приняли участие в антипраздничном собрании на мосту во время гулянки. Нечаев выступил с докладом о задачах советского краеведения. Высказывали свои мнения о вреде подобных праздников в самый разгар сеноуборочной кампании» [Петрова, с. 268].

Следует отметить, что во многих деревнях и селах фольклористы пытались организовать краеведческие ячейки. Так, на протяжении целого ряда дневниковых записей звучит тема учреждения такого рода ячейки в Сумском Посаде. 13 августа в Медвежьей Горе А. М. Астахова записала: «Была в РОНО, говорила относительно организации собрания по вопросу краеведческой ячейки» [Петрова, с. 271]; 20 августа в той же Медвежьей Горе: «С тов. Васильевым говорила о необходимости создать ячейку краеведения» [Петрова, с. 273]. Думаем, что эти ячейки после отъезда фольклористов благополучно свертывались, так и не начав свою работу.

Еще в Ленинграде экспедиции была поставлена задача собирания фольклора времен Гражданской войны. Через весь дневник красной нитью проходит «особый акцент» на поисках устных форм, отражающих Гражданскую войну. Так, 18 июля в Нюхче А. М. Астахова встречалась с родными красноармейцев, расстрелянных белыми. Фольклористка писала в дневнике: «Первую половину дня Астахова работала в семье одного из расстрелянных И. В. Попова. Записан рассказ матери о расстреле сына и фрагментарно автобиография отца» [Петрова, с. 263]; 6 августа в Сегеже: «...произвели запись от двух участников гражданской войны: М. К. Семенова (фронт Повенца и Медвежьей Горы) и И. В. Плыхова (Архангельский фронт) — всего 7 эпизодов» [Петрова, с. 269]; 8 августа: «Достали сведения об участниках гражданской войны в районе Медвежки» [Петрова, с. 269]; 14 августа: «Произведена запись о боях за Ольшу от т. Велидеева» [Петрова, с. 271]; 17 августа в Повенце: «От красного партизана Леонтьева записала 8 рассказов, партизанскую песню и получила автобиографию» [Петрова, с. 272]; 18 августа в Медвежьей Горе: «Вторую часть дня работала с Нестеровым. Записала 5 рассказов о гражданской войне

и кратко биографию» [Петрова, с. 273]; 21 августа: «Утром записала 5 песен от партизана Попова и один эпизод из деятельности Романовского партизанского отряда» [Петрова, с. 273].

Ленинградские фольклористы отнюдь не были первопроходцами в разработке темы Гражданской войны в устной народной традиции. По окончании экспедиции А. М. Астахова написала статью «Фольклор Гражданской войны» [Астахова 1934а], где описала работу по собиранию этого пласта фольклора в разных регионах и представила свои наблюдения по данным экспедиции 1932 г. в Беломорье. Исследовательница сделала обзор немногочисленных частушек и песен, отражающих интересующий ее предмет, а также остановилась на устных рассказах. Фольклористке важно было закрепить положение о фольклорной природе этих рассказов. Она приводит примеры бытования подобных рассказов во время вечернего отдыха при артельных работах (ср. с традицией рассказывания сказок); рассматривает различные стадии в развитии рассказа, выявляя моменты устойчивости в повествованиях («Приобретение известной устойчивости и является начальным моментом зарождения фольклорного произведения» [Астахова 1934а, с. 14]); определяет методику собирания устных рассказов (запись рассказов об одном и том же событии или об одном и том же лице от разных информантов; запись от свидетелей события и от информантов, знавших о нем изустно от других лиц; повторные записи).

Поездка в Бурятию, состоявшаяся 25 июля — 27 августа 1934 г. в рамках сотрудничества с только что учрежденным Государственным институтом культуры Бурято-Монгольской АССР, имела тот же характер, что и беломорская экспедиция. А. М. Астахова работала в Тарбагатайском районе (с. Тарбагатай и Большой Куналей), где проживали «семейские» — своеобразная этнографическая группа населения Сибири (старообрядцы) [Астахова 1935].

За месяц работы среди семейских Забайкалья ею было записано 1450 текстов — песен, частушек, сказок, преданий, пословиц, загадок, заговоров, причитаний, духовных стихов, описаний свадебных обрядов и т. д.[5] В Забайкалье фольклористка продолжала держать в поле внимания рассказы о Гражданской войне. Эта сфера оставалась идеологически актуальной. Предметом активного собирания стал также детский фольклор. 28 января 1935 г. на заседании Комиссии по детскому быту и фольклору Русского географического общества А. М. Астахова прочитала доклад об устно-поэтическом творчестве детей Тарбагатайского района. Ею была подготовлена статья «Из быта и фольклора детей Тарбагатайского района Бурято-Монголии», предназначенная

[5] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 42. П. 1–12.

для второго (несостоявшегося) выпуска сборника «Детский быт и фольклор». Эта статья была опубликована нами в 1998 г. [Детский фольклор, с. 246–258].

Из статьи следует, что фольклористические задачи и в этой экспедиции тесно переплетались с социологическими. Описывая детский быт, А. М. Астахова называет приметы нового быта (больница с акушерским отделением в Тарбагатае, фельдшерский пункт в Б. Куналее, ясли в колхозах), но в то же время дает информацию о «бабках», продолжающих принимать роды, о вере в «сглаз» и т. д.

Собирательница фиксирует новые игры, появившиеся в детской среде Забайкалья: «Из игр, несомненно занесенных из города, следует назвать „Телефон“ и новую, занесенную в Б. Куналей комсомольскую игру в „Голосование“. При быстром перечислении, за что голосуют (за бедняков, кулаков, колхозы и т. п.), быстро поднимают руки, проголосовавший неправильно платит фант» [Детский фольклор, с. 251]. Эта игра, как следует из статьи А. М. Астаховой, «аналогична известной игре с подниманием руки при правильном обозначении того, что может лететь (утки летят, воробьи летят, аэроплан летит, собака летит и т. п.) [Детский фольклор, с. 251].

Предметом внимания во время экспедиции оставались и молодежные альбомы, к которым фольклористка обращалась в Беломорье. И опять собирательница вынуждена была отмечать «неправильный» характер альбомного репертуара: «Альбомы-песенники мы встречаем у парней, а также у мальчиков лет четырнадцати. В них одно из главных мест занимает тюремная и блатная песня. Вообще репертуар мальчиков-подростков, которые на гулянках уже группируются со взрослыми парнями, носит в некоторой уже степени след более поздних городских влияний» [Детский фольклор, с. 256].

А. М. Астахова объективно описывает частушечный репертуар тарбагатайских детей. В их репертуаре зарегистрированы антиколхозные и антисоветские частушки: «Причем дети не только их знают, но и поют их, пользуясь ими в качестве аргумента для своего суждения о колхозах» [Детский фольклор, с. 257]. Советская же проколхозная частушка в их репертуаре отсутствует.

Собирательско-экспедиционная работа А. М. Астаховой в первой половине 1930-х гг., таким образом, свидетельствует, что она добросовестно старалась следовать новым формулируемым установкам. Однако, руководствуясь научной объективностью, собирательница фиксировала фольклорные факты, которые не отвечали желаемым ожиданиям властей. Впрочем, крепнущий тоталитарный режим все в большей степени не только ставит перед фольклористикой новые задачи, но и начинает тяготеть над научной мыслью, что очень хорошо видно на материале следующей экспедиции А. М. Астаховой.

В 1934 г. Московский комитет партии большевиков и Московский областной исполком инициировали масштабное фольклористическое обследование Московской области, которая в это время административно охватывала огромную территорию Центральной России. Были выделены большие денежные средства, объединены силы московских и ленинградских фольклористов, и различные группы собирателей направились в разные районы. В декабре 1934 — январе 1935 г. А. М. Астахова и З. В. Эвальд вместе с москвичами Н. Я. Брюсовой и Р. С. Липец работали в Рязанском и Старожиловском районах.

Центральное место в собирательской работе занимал музыкальный фольклор, но записывались также старинный свадебный обряд, сказки, устные сказы о 1905 годе, Октябрьской революции и о колхозном строительстве[6]. Выводы, которые А. М. Астахова делает в статье «Московские фольклорные экспедиции 1934–1935 гг.», явно идеологически детерминированы. Собирательница рисует картину, которую желали власти. Большевикам нужно было утвердить тезис о расцвете фольклора в стране, строившей социализм, необходимо было свидетельство о популярности революционной песни в репертуаре деревни. Именно поэтому А. М. Астахова в статье заявляет: «...новые коллективные формы труда несомненно способствуют подъему песенного искусства современной деревни по линии широко распетой, мастерской многоголосной песни и ослаблению интереса к сольному романсу, проникавшему в деревню в процессе ее капитализации. Интерес к романсу в настоящее время падает в Рязанском и Старожиловском районах даже среди молодежи, которая предпочитает ему городскую революционную песню и частушку в различных ее разновидностях» [Астахова 1936а, с. 439]. Очевидно, что этот тезис не отвечает объективному состоянию фольклорной традиции того времени.

С 28 мая по 23 июня 1937 г. А. М. Астахова (руководитель) и Н. П. Колпакова совместно с Союзом композиторов (В. В. Великанов, Ф. А. Рубцов) работали в Петриневском, Кирилловском, Мясниковском и Череповецком районах Вологодской области[7]. Задачей было обследование певческой традиции края. Филологи записывали слова, музыковеды работали с фонографом. В рамках этой экспедиции четко обозначилась еще одна методологическая особенность собирательской работы советского времени — запись песен не только от стихийных (неорганизованных) певческих ансамблей, но и от самодеятельных колхозных хоров. Вторая половина 1930-х гг. — это время, когда власти уделяли пристальное внимание фольклорной традиции, стре-

[6] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 47.

[7] РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 75.

мясь направить ее в нужное идеологическое русло. Поэтому создание хоров стало, говоря современным языком, мейнстримом культурной жизни русской деревни. Во всех регионах проводились олимпиады самодеятельного искусства. В отчете об экспедиции А. М. Астахова писала: «Особенное внимание экспедиция уделяла певческим коллективам и отдельным певцам — участникам районных и областных олимпиад» [Астахова 1939a, с. 218]. Экспедиция произвела 139 фонографических записей: было записано 170 песен, 850 частушек. Фольклористическое поле, как уже было принято, расширялось за счет задач социологического характера. Фольклористка отмечала: «Кроме того, записано несколько стихотворений местных колхозных поэтов ⟨...⟩ и собраны номера местных газет с местными частушками и стихотворениями местных поэтов» [Астахова 1939a, с. 218]. Участники экспедиции уже привычно устраивали для деревенских жителей беседы, «разъясняя задачи собирания и культивирования народного творчества и значение создания советского фольклора» [Астахова 1939a, с. 218]. Материалы экспедиции были очень быстро, уже в 1938 г., опубликованы в нотном сборнике «Народные песни Вологодской области» [Народные песни].

В июле — начале августа того же 1937 г. А. М. Астахова (вместе со студентками И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон) работала еще в одной севернорусской точке — на Зимнем берегу Белого моря (села Нижняя и Верхняя Золотицы). На этот раз перед собирательницей стояла специальная задача изучения фольклорного творчества одной сказительницы — Марфы Семеновны Крюковой. А. М. Астахова общалась почти исключительно с этой былинщицей, но спорадически записывала былины и от других сказителей[8]. Студентки И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон выявляли эпический репертуар других сказителей и певцов. Материал собирался как фон, «необходимый для полного уяснения особенностей народно-эпической традиции, хранимой Крюковой» [Астахова 1939b, с. 219; 1939c; 1941]. К лету 1937 г. М. С. Крюкова полностью определилась в фольклористике как культовая сказительница, обласканная советской властью. Уже состоялась ее поездка в Москву (1937); в ее творческом багаже были поощряемые собирателями плачи о Ленине, былины о Сталине и другие произведения советской тематики.

А. М. Астахова ставила задачу записать былины на традиционные сюжеты. За время экспедиции были зафиксированы 40 былин Марфы Крюковой (объем — 50 печатных листов) и ряд других жанров (сказки, песни, плачи,

[8] В сборнике [Былины Печоры и Зимнего берега] опубликованы записи А. М. Астаховой от сказителей А. В. Бронниковой (№ 143–146), Н. Ф. Поповой (№ 151, 152), А. И. Седуновой (№ 156), Т. Е. Точилова (№ 159–161). Былины М. С. Крюковой здесь не публиковались.

пословицы). Собранный материал дал возможность фольклористке в статье «Беломорская сказительница М. С. Крюкова» представить творческий портрет этой былинщицы, наделенной большим импровизаторским даром. В статье дан список былин, записанных в 1937 г. [Астахова 1939с, с. 211–212]. Сопоставляя повторные записи от М. С. Крюковой (ранние записи, сделанные в 1899–1901 гг. А. В. Марковым, записи 1934 г. В. П. Чужимова), исследовательница рисует создание новых былинных композиций на традиционные сюжеты; указывает на переоформление в былины сказок и литературных произведений (повесть В. А. Жуковского «Марьина роща»); характеризует произведения о Ленине и Сталине.

Тексты былин М. С. Крюковой, записанные А. М. Астаховой, были опубликованы лишь в 2020 г. в томе Свода русского фольклора — «Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова» (25 текстов) [Былины Зимнего берега]. В этом же издании представлены записи других собирателей, в том числе и Э. Г. Бородиной-Морозовой, зафиксировавшей эпические произведения М. С. Крюковой в том же 1937 г.[9]

Поездка на Зимний берег Белого моря, кажется, была последней в напряженной собирательско-экспедиционной работе А. М. Астаховой.

В историю отечественной фольклористики А. М. Астахова вошла прежде всего как былиновед. Следует заметить, что к этому сегменту народной культуры исследовательница пришла также через собирательско-экспедиционную деятельность.

Первой былиноведческой работой (равно как и вообще первой фольклористической) стала статья «Былина в Заонежье» (1927), построенная исключительно на собственных записях А. М. Астаховой, сделанных во время экспедиции 1926 г. [Астахова 1927]. Констатируя легко прогнозируемый факт постепенного исчезновения былинной традиции, фольклористка сосредоточивает свое внимание на том, как, в какой форме былина забывается. А. М. Астахова описывает тип сказителя, не просто забывающего былину, «но ее разрушающего, лишающего ее привычной строгой формы и вводящего в нее ряд элементов, дисгармонирующих с былинным стилем» [Астахова 1927, с. 86]. Таковым, по мнению собирательницы, был П. Г. Горшков, который хорошо владел эпическим текстом, помнил все эпизоды. Но тем не менее, как считала А. М. Астахова, в творчестве этого сказителя «при очень уверенной передаче происходит полное разложение былины»: былинный ритм разрушается, появляются не былинные фразовые конструкции. Исследовательница

[9] Материалы Э. Г. Бородиной-Морозовой опубликованы в 1939–1941 гг.: [Былины М. С. Крюковой].

демонстрирует, как забывается форма выражения тех или иных былинных эпизодов. Былинный стих упрощается, из него выпадают традиционные формулы, он зачастую представляет собой лишь подобие эпического стиха.

В былиноведении, как и в собирательско-экспедиционной деятельности, исследовательнице приходилось реагировать на идеологические требования своего времени. В 1935 г. в Малой серии «Библиотеки поэта» вместе с Н. П. Андреевым она издала антологический сборник «Эпическая поэзия» (Л., 1935), во вступительной статье к которому фольклористка декларировала приверженность дореволюционной «исторической школе», включая и признание теории «аристократического» происхождения былин (былины произошли в княжеско-боярской, торгово-буржуазной и церковно-паломнической среде и только на позднем этапе стали достоянием крестьянства). Соответственно, в 1936–1937 гг., когда развернулась кампания по разгрому «исторической школы», эта работа А. М. Астаховой подверглась идеологической критике [Керженцев; Семенов].

Былиноведению, отказавшемуся от дореволюционной «исторической школы», пришлось в изучении эпоса искать новые повороты. Однако еще до разгрома «исторической школы» А. М. Астахова, не видевшая новых импульсов изучения былин в духе этого фольклористического направления, смогла нащупать в былиноведческой проблематике новые аспекты. В статье «Былинная традиция на современном Севере» [Астахова 1934b], построенной на материалах экспедиций 1920-х — начала 1930-х гг., на большом статистическом материале, представленном в нескольких таблицах, исследовательница дает сведения о репертуаре различных регионов, обозначает сужение репертуара по сравнению с дореволюционными записями, показывает тенденции преобладания новеллистических сюжетов над героическими в записях последнего времени.

В 1938 г. вышел в свет первый том подготовленных А. М. Астаховой знаменитых «Былин Севера» [Былины Севера], блестящие комментарии к которым свидетельствуют о глубочайшем знании исследовательницы былиноведческой литературы. Во вступительной статье А. М. Астахова углубляет характеристику каждого из севернорусских регионов (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора, Зимний берег Белого моря). В статье по-новому по сравнению с дореволюционной «исторической школой» поставлена проблема варианта: «Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс» [Былины Севера, т. 1, с. 9]. Вместо тезиса о «последовательном искажении» былин, по мере того как они из дружинной среды попадали в крестьянскую (позиция «исторической

школы»), А. М. Астахова выдвигает положение об «исконной народности эпоса» [Былины Севера, т. 1, с. 15]. Исследовательница разрабатывает типологию былинных певцов, занявшую важное место в науке второй половины 1930-х — 1970-х гг. Применив сравнительный метод (сравнение текстов сказителей «учителей» и «учеников», разных «учеников» одного «учителя», повторных записей от одного и того же исполнителя), А. М. Астахова описывает три типа сказителей: сказители-передатчики (запоминают былины своих «учителей» максимально близко к тексту); сказители-творцы (воспринимают от «учителей» только «общий остов» былины и создают новые редакции сюжетов, вырабатывая собственный стабильный текст); сказители-импровизаторы (смело вставляют в былины новые эпизоды, каждый раз создавая новую версию сюжета).

Отвечая идеологическим требованиям поисков «советского эпоса», А. М. Астахова в предвоенные годы сосредоточивается и на этой теме. На заседании во Всесоюзном доме народного творчества 20 апреля 1941 г. она прочитала доклад «Пути развития русского советского эпоса» [Доклад фольклориста]. Исследовательница впервые на теоретическом уровне попыталась осмыслить круг устных произведений, созданных, как правило, в творческом союзе сказителей и собирателей и рассматриваемых фольклористикой 1930—1940-х гг. как проявление живой устной традиции. А. М. Астахова определила формы советского эпоса: фабульные поэтические тексты, ориентированные на поэтику былин (новины); «развернутые эпические полотна, включающие повествования не об одном, а о целой цепи связанных друг с другом событий» [Доклад фольклориста, с. 206] (поэмы); бесфабульные произведения описательного характера (сказы и сказы-думы).

Рассмотрев отдельные произведения сказителей, владевших подлинной былинной традицией (например И. Т. Фофанова, сочинившего под руководством собирателей былину о Ворошилове), А. М. Астахова приходит к убеждению, что «путь создания нового эпоса по линии былинного жанра вполне закономерен ⟨...⟩, этот путь может привести и приводит к большим творческим достижениям» [Доклад фольклориста, с. 211]. Идеологическая детерминированность этого тезиса очевидна.

Главным делом А. М. Астаховой в период Великой Отечественной войны стало завершение докторской диссертации «Северный период в истории русской былины». Пережившая страшную блокадную зиму 1941/42 гг. в Ленинграде [Иванова 2005] А. М. Астахова 12 июля 1942 г. вместе с Пушкинским Домом была эвакуирована в Казань, где и продолжила работу над диссертационным исследованием. Известно, что в Казани на заседаниях она читала

фрагменты своей работы. После снятия блокады, в мае 1944 г., фольклористка вернулась в Ленинград. Защита докторской диссертации[10] «Северный период в истории русской былины» состоялась в Пушкинском Доме 14 декабря 1944 г. Официальными оппонентами стали В. П. Адрианова-Перетц, П. Г. Богатырев и В. Я. Пропп. Ученый совет единогласно присудил соискательнице искомую степень доктора филологических наук. Впоследствии исследование вышло в свет в виде монографии «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948).

Нам в свое время довелось опубликовать четыре документа по защите: аналог современного автореферата «Содержание диссертации А. М. Астаховой „Северный период в истории русской былины“»; Отзыв В. П. Адриановой-Перетц; Отзыв В. Я. Проппа; Ответ оппонентам А. М. Астаховой [Документы по защите].

В этом комплексе документов, пожалуй, самый большой интерес представляет отзыв В. Я. Проппа — безусловно положительный, акцентирующий внимание на сильных сторонах исследования: например, на характеристике отдельных былинных областей (Прионежье, Поморье, Пинега, Мезень, Печора), позволяющей «недифференцированный» Север осмыслить в картинах резко отличающихся регионов. В. Я. Пропп справедливо замечает: «Можно без преувеличения сказать, что автор — лучший в СССР знаток былины и ее исполнителей» [Документы по защите, с. 172]. При этом весьма характерным является определение метода исследования: «Метод автора в основном есть метод описательных характеристик» [Документы по защите, с. 174]. Заметим, кстати, что сам В. Я. Пропп в 1944 г. еще не подступался к исследованию былин; его монография «Русский героический эпос» будет издана в 1955 г. Исследование былин выполнено здесь в историко-типологическом аспекте. В условиях, когда методы «исторической школы» по идеологическим причинам были дискредитированы, А. М. Астахова, как и другие фольклористы, не смогла предложить былиноведению принципиально новые подходы в изучении былин, поэтому ее метод оказался «методом описательных характеристик». Однако следует подчеркнуть, что этот несложный метод был применен к былинному материалу на очень высоком уровне.

После монографии 1948 г. «Русский былинный эпос на Севере» в 1950–1960-е гг. А. М. Астахова продолжала заниматься изучением былин. В послевоенный период в рамках сотрудничества с Карело-Финской базой АН СССР,

[10] В 1935 г., при учреждении в СССР кандидатских и докторских степеней, А. М. Астаховой без защиты была присуждена степень кандидата филологических наук.

которой ленинградские фольклористы еще в 1930-е гг. оказывали методическую поддержку, А. М. Астахова издала несколько фольклорных сборников: «Избранные былины» (Подгот. текста, ст. и коммент. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1947); «Северные исторические песни» (Подгот. текста, ст. и примеч. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1947); «Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье» (Подгот. текстов, статьи и примеч. А. М. Астаховой и С. А. Шахматовой-Коплан. Петрозаводск, 1948). Тогда же была издана книга «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева» (Петрозаводск, 1948) — традиционный для того времени сборник, посвященный одному сказителю и вводящий в науку записи от представителя третьего поколения сказительской династии Рябининых.

В серии «Литературные памятники» была издана антология «Илья Муромец» (М.; Л., 1958). Совместно с В. В. Митрофановой и М. О. Скрипилем А. М. Астахова подготовила фундаментальное издание «Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков» (М.; Л., 1960), тем самым актуализировав тему старорусских повестей на былинные сюжеты. В 1961 г. А. М. Астахова участвовала в подготовке вместе с Э. Г. Бородиной-Морозовой, Н. П. Колпаковой, Н. К. Митропольской и Ф. В. Соколовым сборника «Былины Печоры и Зимнего берега Белого моря (новые записи)» [Былины Печоры и Зимнего берега], в котором собраны записи разных собирателей на Печоре (1942, 1955, 1956) и на Зимнем берегу (1937–1948).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. вышли статьи исследовательницы «Сатира и юмор в русском былинном эпосе», «Былинная традиция в Поволжье», «Вопросы изучения донской былины» [Астахова 1957; 1961; 1963], а также небольшая монография «Народные сказки о богатырях русского эпоса» (М.; Л., 1962), где раскрыта идейно-художественная природа былинных сюжетов, трансформированных в процессе разложения былин и под влиянием лубочных сказок в прозаическую форму. Особо А. М. Астахова рассматривает сказки и предания о богатырях русского эпоса в фольклоре других народов России. Итоговой книгой исследовательницы в области былиноведения стала монография «Былины: Итоги и проблемы изучения» (М.; Л., 1966), где в историографическом ракурсе рассмотрены основные проблемы былиноведения.

Как мы уже указывали, во время экспедиций А. М. Астахова уделяла пристальное внимание заговорам. Ее вторая фольклористическая статья (1928) была посвящена именно этому жанру — «Заговорное искусство на реке Пинеге» [Астахова 1928]. Заговор рассматривался А. М. Астаховой в его связях с этнографическим контекстом. Фольклористка дает богатый

материал о спросе пинежской деревни на заговор, об учительстве (передаче заговоров младшему поколению); приводит рассказы о колдунах, умеющих наводить порчу и насылающих бесов и «икоту». Рассматривает соотношение «слов» с целебными травами и смесями. Самое главное — она рассматривает заговор как обряд.

Заговоры приковывали внимание А. М. Астаховой и в экспедиции 1928 г. на р. Мезень. Во время этой поездки она записала более 200 заговорных текстов. Внушительная подборка текстов в 2007 г. была подготовлена Л. И. Петровой [Из полевых записей]: заговоры на снятие порчи, «ураз сымать» (залечивание раны), «на родимы» (помощь родильнице), «загрызные слова» (от грыжи), «засекать рожу» (от рожистых воспалений), «на зубы» (от зубной боли) и т. д. А. М. Астахова записала «присухи» и «остуды», обереги и пр. Заговоры, без сомнения, могли бы стать второй магистральной темой в исследованиях А. М. Астаховой, если бы в 1930-е гг. этот сегмент народной традиции не был закрыт для советской фольклористики. Возможный сборник заговоров, записанных А. М. Астаховой, к сожалению, не состоялся. Только в 1964 г. исследовательница вернется к этому жанру в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук [Астахова 1964].

А. М. Астахова в 1965 г. вышла на пенсию. Скончалась она 30 апреля 1971 г.

* * *

Фольклористическая деятельность А. М. Астаховой разворачивалась в непростых условиях сталинского режима. Как мы показали, научная биография исследовательницы поразительно точно отражает все повороты развития фольклористики в советское время. Можно заметить, что в научной деятельности А. М. Астаховой, как в капле воды, запечатлелись все узловые моменты поисков советской фольклористикой новых тем, ее отказа от старых методологических установок и формирования новых. И наоборот: вся динамика развития советской фольклористики 1920–1930-х гг. может быть прочитана по биографии А. М. Астаховой. Ни у кого из фольклористов этого времени в их работе мы не найдем столько фактов, которые помогают выпукло и глубоко осмыслить драматические повороты в развитии науки о «живой старине» в данный период. Для сравнения вспомним В. Я. Проппа, чья научная деятельность практически никак не корреспондировала с общим течением фольклористики. И даже Ю. М. Соколов, нередко вынужденный подчинять свою научную мысль тем или иным требованиям большевистской

идеологии, зачастую оставался только в сфере необходимых деклараций, а не в реализации сформулированных идеологией фольклористических положений непосредственно на фольклорном материале.

А. М. Астахова, в чьей научной деятельности собирание фольклора занимает не просто весомое, но определяющее место, воплощает собой тип фольклориста, который мы в свое время определили формулой «собиратель + исследователь» [Иванова 1993, с. 36], причем как исследователь она складывалась на материалах, собранных непосредственно ею самой. А. М. Астахова в своей собирательской работе стихийно и интуитивно применяла различные методы выявления фольклорного материала и его фиксирования, порой опережая свое время (например, метод включенного наблюдения).

Сейчас, обозревая фольклористическую деятельность А. М. Астаховой, мы осознаем, что она, без сомнения, являлась одним из самых выдающихся собирателей в XX в. Вплоть до настоящего времени ученые продолжают раскрывать в публикациях собранные ею материалы, хранящиеся в фольклорном архиве Пушкинского Дома. Заметим, кстати, что этот архив сформировала именно А. М. Астахова, когда она работала в ИПИН и ИАЭ [Астахова 1936b]. Нынешнее поколение исследователей остается ей благодарным за создание богатейшего багажа фольклорных записей.

Литература

Астахова 1926 — *Астахова А. М.* Из истории и ритмики хорея // Поэтика: Сб. ст. Л.: Academia, 1926. С. 54–65. (Временник Отдела словесных искусств; [Вып.] 1).

Астахова 1927 — *Астахова А. М.* Былина в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 77–103. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Астахова 1928 — *Астахова А. М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Искусство Севера: Пинежско-Мезенская экспедиция. Л.: Academia, 1928. С. 33–76. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 2).

Астахова 1934a — *Астахова А. М.* Фольклор Гражданской войны // Советский фольклор: Статьи и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Вып. 1. С. 9–39.

Астахова 1934b — *Астахова А. М.* Былинная традиция на современном Севере // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 401–412.

Астахова 1935 — *Астахова А. М.* Фольклорная экспедиция в Тарбагатайский район Бурято-Монгольской АССР // Советская этнография. 1935. № 1. С. 122–123.

Астахова 1936a — *Астахова А. М.* Московские фольклорные экспедиции 1934–1935 гг. // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. № 4/5. С. 437–440.

Астахова 1936b — *Астахова А. М.* Рукописное хранилище при фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2/3. С. 435–440.

Астахова 1939a — *Астахова А. М.* Работа по собиранию песен Ленинградской и Вологодской областей // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 218–219.

Астахова 1939b — *А. А.* Беломорская фольклорная экспедиция // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 219–220.

Астахова 1939c — Астахова *А. М.* Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. № 6. С. 176–213.

Астахова 1941 — *Астахова А. М.* Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 7. С. 247–248.

Астахова 1957 — *Астахова А. М.* Сатира и юмор в русском былинном эпосе // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 5–39.

Астахова 1961 — *Астахова А. М.* Былинная традиция в Поволжье // Русская народная поэзия. Горький: [б. и.], 1961. С. 43–58. (Фольклористические записки Горьковского ун-та; № 1).

Астахова 1963 — *Астахова А. М.* Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1963. С. 60–69.

Астахова 1964 — *Астахова А. М.* Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. М.: Наука, 1964. 11 с. (VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук).

Астахова, Ширяева — *Астахова А. М.*, *Ширяева П. Г.* Старая рабочая песня // Советская этнография. 1934. № 12. С. 201–203.

Астахова, Эвальд — *Астахова А. М.*, *Эвальд З. В.* Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 141–145.

Большева — *Большева К. А.* Крестьянская живопись Заонежья // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 50–61. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Былины Зимнего берега — Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 9).

Былины М. С. Крюковой — Былины М. С. Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. С. Липец; ввод. статья Р. Липец; ред., предисл. Ю. Соколов. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1939. Т. 1. 752 с.; 1941. Т. 2. 794 с.

Былины Печоры и Зимнего берега — Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 606 с.

Былины Севера — Былины Севера / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1: Мезень и Печора. 655 с.; 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 847 с.

Детский фольклор — Детский фольклор в работах 1930-х годов (неизвестные статьи А. М. Астаховой и Г. С. Виноградова) / Публ. И. М. Колесницкой и Т. Г. Ивановой) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. [Вып. 4]. С. 241–270.

Доклад фольклориста — Доклад фольклориста А. М. Астаховой «Пути развития русского советского эпоса» на совещании, посвященном советской былине, во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1994. С. 202–222.

Документы по защите — Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой / Публ. и коммент. Т. Г. Ивановой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 150–194.

Духовные стихи — Духовные стихи на Пинеге в записях А. М. Астаховой 1927 года / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 180–218.

Иванова 1993 — *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков. А. В. Марков. Б. М. и Ю. М. Соколовы. А. Д. Григорьев. В. Н. Андерсон. Д. К. Зеленин. Н. Е. Ончуков. О. Э. Озаровская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. 203 с.

Иванова 2005 — *Иванова Т. Г.* Фольклористы Пушкинского Дома в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 15–24.

Иванова 2009 — *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. 1900 — первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.

Из полевых записей — Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года (Заговоры на Мезени) / Публ. и коммент. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2007. Вып. 7. С. 184–223.

Керженцев — *Керженцев П. М.* Исторические темы в искусстве и Камерный театр // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л.: Искусство, 1937. С. 16–81.

Кнатц — *Кнатц Е. Э.* Вышивка в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 62–76. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Колпакова — *Колпакова Н. П.* У золотых родников (записки фольклориста). СПб.: Русская земля, 2002. 331 с.

Комелина, Лурье, Подрезова — *Комелина Н. Г., Лурье М. Л., Подрезова С. В.* Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А. М. Астаховой // Антропологический форум online. 2013. № 19. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf.

Лурье — *Лурье М. Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.

Народные песни — Народные песни Вологодской области: Сб. фонографических записей / Записи текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой; муз. записи В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова; под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. Л.: Музгиз, 1938. 138 с.

Петрова — *Петрова Л. И.* Дневник беломорского отряда Карельской фольклорной экспедиции 1932 г. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2025. Т. 40. С. 243–275.

Печатные работы — Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 года // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 11. С. 342–347.

Романов 1927a — *Романов К. К.* Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 11–20. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Романов 1927b — *Романов К. К.* Жилой дом в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. С. 21–49. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции Крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).

Семенов — *Семенов Я.* Народная поэзия в антинародном освещении // Книга и пролетарская революция. 1937. № 1. С. 92–102.

Список работ — Список работ А. М. Астаховой // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 305–310.

References

Ivanova, T. G. (1993). *Russkaia fol'kloristika nachala XX veka v biograficheskikh ocherkakh: E. V. Anichkov. A. V. Markov. B. M. i Yu. M. Sokolovy. A. D. Grigor'ev. V. N. Anderson. D. K. Zelenin. N. E. Onchukov. O. E. Ozarovskaia* [*Russian Folkloristics of the Early 20th Century in Biographical Essays: E. V. Anichkov, A. V. Markov, B. M. and Yu. M. Sokolov, A. D. Grigoriev, V. N. Anderson, D. K. Zelenin, N. E. Onchukov, O. E. Ozarovskaya*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 203 p. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2005). 'Fol'kloristy Pushkinskogo Doma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny' ['Folklorists of the Pushkinskii Dom During the Great Patriotic War'], *Traditsionnaia kul'tura* [*Traditional Culture*], 2, 15–24. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2009). *Istoriia russkoi fol'kloristiki XX veka. 1900 — pervaia polovina 1941 gg.* [*History of Russian Folkloristics of the Twentieth Century. 1900 — First Half of 1941*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 799 p. (In Russ.)

Ivanova, T. G. (2014). 'Dokumenty k zashchite doktorskoi dissertatsii A. M. Astakhovoi' ['Documents Related to the Defense of the Doctoral Dissertation of A. M. Astakhova'], in: *Iz istorii russkogo fol'klora* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 9, 150–194. (In Russ.)

Kolesnitskaia, I. M., Ivanova, T. G., eds. (1998). 'Detskii fol'klor v rabotakh 1930-kh godov (neizvestnye stat'i A. M. Astakhovoi i G. S. Vinogradova)' ['Children's Folklore in the Works of the 1930s (Unknown Articles by A. M. Astakhova and G. S. Vinogradov)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4, 241–270. (In Russ.)

Komelina, N. G., Lur'e, M. L., Podrezova, S. V. (2013). 'The Songs of Street Singer Vladimir Yegorov Recorded on a Phonograph by A. M. Astakhova', *Antropologicheskii forum*, 19, 233–328. (In Russ.)

Lur'e, M. L. (2011). 'Tvortsy, pevtsy i prodavtsy gorodskikh pesen (po materialam nevyshedshego sbornika A. M. Astakhovoi)' ['Creators, Singers and Sellers of Urban Songs (Based on Materials from an Unincluded Collection by A. M. Astakhova)'], *Zhivaia starina*, 1, 2–6. (In Russ.)

Nekrylova, A. F., Gruntovskii, A. V., Gusev, V. E., eds. (2002). Kolpakova, N. P. *U zolotykh rodnikov (zapiski fol'klorista) s risunkami avtora* [Kolpakova, N. P. *At the Golden*

Springs (Notes of a Folklorist) with Drawings by the Author]. St. Petersburg: Russkaia zemlia Publ., 332 p. (In Russ.)

Petrova, L. I. (1990). 'Dukhovnyye stikhi na Pinege v zapisiakh A. M. Astakhovoi 1927 goda' ['Spiritual Verses on Pinega in the Notes of A. M. Astakhova, 1927'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 3, 180–218. (In Russ.)

Petrova, L. I. (2025). 'Dnevnik belomorskogo otriada Karel'skoi fol'klornoi ekspeditsii 1932 g.' ['Diary of the White Sea Detachment of the Karelian folklore Expedition, 1932'], *Russkii fol'klor* [*Russian Folklore*], 40, 243–275. (In Russ.)

Petrova, L. I., ed. (2007). 'Iz polevykh zapisei A. M. Astakhovoi 1928 goda (Zagovory na Mezeni)' ['From the Field Notes of A. M. Astakhova in 1928 (Conspiracies on Mezen)'], in: *Iz istorii russkoi fol'kloristiki* [*From the History of Russian Folklore Studies*]. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 7, 184–223. (In Russ.)

Reili, M. A., Marchenko, Iu. I., Rozov, A. N., eds. (2020). *Byliny Zimnego berega Belogo moria: Skazitel'nitsa Marfa Semenovna Kriukova* [*Epics of the Winter Coast of the White Sea: Storyteller Marfa Semyonovna Kryukova*]. St. Petersburg: Nauka Publ.; Moscow: Klassika Publ., 1703 p. (In Russ.)